

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ

Детство с Куоккалой и Достоевским

Обрывки воспоминаний

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ

Опубликовано в журнале *Новый Мир*, номер 11, 1996

ДМИТРИЙ ЛИХАЧЕВ

*

ДЕТСТВО С КУОККАЛОЙ И ДОСТОЕВСКИМ

Обрывки воспоминаний

Детство мое живет во мне — Петербургом. А он для меня — вовсе не тот малый отрезок Невы, что славится своими горизонтальными линиями, низкими набережными, плотно соединенными в единый фасад дворцами и казармами, над которыми молитвенно поднимаются к небу скупо расставленные шпили, колокольни, купола и башни.

...Каждое утро сбегая к морю (не дай Бог сказать “залив” — это значило бы унижить его), я видел вокруг себя Петербург (или, как я привык в детстве выговаривать на немецкий лад, — ПетерСбург): море окружено Петербургом. Лисий Нос, с остатками петровских дубов, Петергоф, Ораниенбаум, Толбухин маяк у морских ворот, встречающий и провожающий корабли ритмично мигающим огнем, едва начинала сгущаться тьма.

На ту сторону моря — к Мартышкину и Ораниенбауму — при северном ветре уплывали мои “гидропланчики”, которые я мастерил из сухого прошлогоднего тростника, занесенного к нам с Мартышкинского берега ветром южным. Я был убежден, что помогаю тростнику вернуться к его родным берегам. Каково же было разочарование, когда, катаясь однажды в лодке неподалеку от берега, я увидел мои гидропланчики полуразвалившимися, разбухшими, уже не способными быстро скользить по водной глади.

С морем связаны были и другие, излюбленные дачниками развлечения: бросать плоские камешки так, чтобы они прыгали по воде. Это мы называли “печь блины” — и если камешек выбран удачно и море совершенно спокойно, можно было испечь “блинов” десять — двенадцать. ...Потом двоюродный брат Короленко, Владимир Юлианович, рассказывал, что и они на даче в Куоккале тоже “пекли блины” (и как мне было приятно об этом узнать, тайком гуляя с ним на Соловках!). Все дачные развлечения были устремлены к морю, связаны с ним: прогулки, игры, лодочные катанья, любование переливами красок — быстро меняющихся, всегда акварельно нежных.

Южный и северный берега, а посередине — наиболее петербургская часть Петербурга — Кронштадт с десятком фортов, из которых самым внушительным был форт Тотлебен, притягивающий к себе взоры.

Вот и дошли мы до... Достоевского. Гениальный строитель кронштадтских и севастопольских укреплений Э. И. Тотлебен, в честь которого назван крайний и самый мощный кронштадтский форт, был выучеником того же Главного инженерного училища, что и Достоевский.

В безветренную ясную погоду можно было различить золотую точку Исакия, а у самой воды — слышать звук его главного колокола, только у воды и только в безмолвии раннего утра! Тогда представлялся Медный всадник, Адмиралтейство, Петропавловская крепость и императорский Зимний дворец. Это были хозяева одной части Петербурга, но Петербург был неотделим от Петергофа, Ораниенбаума, Стрельны, а дальше — от Ропши, Царского Села, Павловска. Хозяином же всего Петербурга был именно Кронштадт, и окружал он собою все море. А в Кронштадте повелевал форт Тотлебен с частыми артиллерийскими учениями, прожекторами и плавающими вдоль горизонта эскадренными судами.

И Достоевскому, и Тотлебену в Инженерном училище приходилось много заниматься архитектурными стилями и черчением. В свои военные проекты Тотлебен вносил черты архитектурного стиля, в инженерию — искусство зодчего. А Достоевский испещрял рукописи не только зарисовками лиц и фигур, что естественно для писателя, но и архитектурными мотивами. Оба — петербуржцы, оба принадлежат городу, славному своей планировкой. Как и Тотлебен, Достоевский был, на свой лад, превосходный планировщик, тщательно вычерчивающий сюжетные линии, выверяющий их параллелизм, психологические соотношения. Достаточно вчитаться в его заметки к “Идиоту”, чтобы увидеть, сколь упорно он ищет сопоставления или противопоставления характеров, как стремится распутать и свести все концы с концами.

Но разве и в строгой планировке Петербурга нет величайшей запутанности? Системы дворов напоминают севастопольские бастионы, точнее, севастопольские бастионы сравнимы с дворовыми лабиринтами Петербурга. Или — с какой парадоксальной запутанностью накладывается рисунок Екатерининского канала — искусственного, прорытого — на сеть петербургской Коломны: канал перед вами, а оглянешься — он уже позади вас, вьется как латинское S!

Куоккала — пристанище художественного и интеллектуального Петербурга. Здесь Пенаты Репина — объединяющие и художников-реалистов, и авангардистов. Здесь постоянно живет семья Анненковых, сыгравшая большую роль в культурной жизни России, а сын Юрий — уже и в художественной жизни эмиграции. Здесь — автор известных балетов Альберт Пуни, со своим многочисленным семейством — его старшая дочь Мария Альбертовна экстравагантностью поведения похожа на Настасью Филипповну. Живет Горький, бывает наездами Мейерхольд. И чего только не вытворяет Корней Иванович Чуковский в местном театрике, или прямо в вагонах Финляндской железной дороги, возвращаясь из города, или на пляже. Хозяева здешних дешевых дач — финны — еще не перестали крестьянствовать и рыбачить. Вот на море гуськом плывут горбоносые финские лодки под трапецевидными парусами и тут же “чистит перышки” элегантная яхта местных шведов.

А когда навещает в Пенатах Репина красавец Леонид Андреев, сходит с ума все женское общество, дамы специально прогуливаются, в надежде столкнуться с ним, и потом обмениваются впечатлениями.

Где-то в Куоккале таится и партийная жизнь революционеров. В Первую мировую появляются беженцы поляки.

Вавилонское смешение языков: слышна речь русская, финская, французская, шведская, немецкая (бонны, как правило, из немок), особенно на пляже, где у своих купальных будок сидят затянутые в корсеты дамы. Только Мария Пуни готова по первому зову подростков пойти на “гигантские шаги” и с поразительным бесстрашием позволяет “заносить” себя в “звездочке”.

А цыгане, вставшие табором за церковью, гортанно выкликающие свое “лудить, паять котлы, самовары, кастрюли” и в Иванов день отплясывающие с дачниками, поднося гитару чуть не к носу кого-нибудь из них, обычно хорошо им знакомого, — разве все это вместе не... “петербургское общество”?

Ну а другой Петербург — на противоположной стороне “моря”, там живет клан Бенуа. И там же — царская фамилия; ее присутствие всегда выдает силуэт дежурного миноносца перед мыском “Собственной дачи”, где большая семья царя тоже тешится играми — но их игр я не знаю. И задним числом думаю, что Распутин внешне напоминает Рогожина, а царевы дочери — дочерей Епанчиных.

...Сколько во всей той жизни интересного, таинственного, непостижного моему детскому разумению!

Пройдет много лет, и я буду вспоминать Куоккалу, лежа грудью на широком монастырском подоконнике в Соловецком концлагере. И — ожидать своего... “Достоевского”. Свет после предупредительных миганий погашен, и я жду, когда последний железнодорожный состав прогремит вдоль насыпи, проложенной по узкой полосе меж Святым озером и монастырской стеной. К этому составу прицеплен единственный пассажирский вагон. А в нем когда-то, возможно, ехали... Федор Михайлович и Анна Григорьевна из Новгорода в Старую Руссу! Да-да — почему нет, — ведь ГПУ именно с той дороги перевезло рельсы, вагоны и паровоз на Соловки. Однажды я даже ехал в этом вагоне — за черникой. Заключенных возили собирать чернику, жены начальственных чекистов варили из нее для своих семейств варенье. Грохот “достоевского” поезда я слушал, укрываясь коротеньким детским одеялом, натянув его под подбородок углом, чтоб было длиннее.

...В воздухе “большого Петербурга” растворен, разумеется, не один Достоевский. Я особенно люблю террасу Монплезира, где, по преданию, Лермонтов написал свой “Парус”, где у пирса мерещится “пироскаф” мадам Курдюковой, уезжавшей “а летранже”.

Менее чем через сто лет поплывут мимо в Штеттин немецкие пароходы, увозя в эмиграцию цвет русской интеллигенции.

Санкт-Петербург.

Июнь 1996.